

В.М.МОКИЕНКО, д-р филол. наук, профессор, *mokienko40@mail.ru*
Санкт-Петербургский государственный университет

В.М.МОКИЕНКО, Dr. in philol., professor, *mokienko40@mail.ru*
Saint Petersburg State University

ДИНАМИЧЕСКИЕ ТЕНДЕНЦИИ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ

В статье анализируются динамические процессы в современном русском языке. Они обусловлены экстраграмматическими факторами, но обладают своей собственно языковой спецификой. Эти процессы функционируют в виде лексико-фразеологических доминант, отражающих самые активные изменения в системе современного русского языка. Автор предлагает анализ этих доминант.

Ключевые слова: динамические тенденции, демократизация русской языковой системы, вульгаризация, жаргонизация, языковое заимствование, языковые оппозиции.

THE DYNAMIC TENDENCIES IN THE CONTEMPORARY RUSSIAN

The paper deals with the dynamic processes in the contemporary Russian language. They are influenced by the extralinguistic factors, but have their own specifics in the contemporary Russian language. Such the processes functions as the lexical-phraseological dominants, which reflect the more active changes in the system of the contemporary Russian. The author offers the analysis of these dominants.

Key words: dynamic tendencies, the democratisation of the Russian language system, vulgarisation, jargonisation, language borrowings, language oppositions.

Событие, которому посвящена конференция русистов в Горном университете, весьма значимо. И не только потому, что 55 лет – дважды «отличное» число и весьма своеобразный юбилей, свидетельствующий о зрелой молодости кафедры русского языка в стенах этого вуза. Значимо оно и как отражение тех тенденций, которые характерны как для развития нашего языка в целом, так и для отношения к филологии и русистике в нашем государстве. Учреждение кафедры русского языка в одном из лучших технических вузов страны более полувека назад знаменовало достаточно решительный поворот в общественном сознании. Именно в это время сверху перестали подогревать надуманную дискуссию о «физиках и лириках» и гуманитарным дисциплинам начали

уделять большее внимание. Это было и время относительной стабильности – пусть и «застойной», но стабильности с четко обозначенными правилами и нормами. Вместе с тем в русистике уже начинались дискуссии о литературной норме, которую исподволь «расшатывали» писатели-деревенщики, и отношение к языку становилось более толерантным, чем прежде. Наряду с основательными трудами по русской диалектологии и работой по созданию диалектных словарей практически всех регионов России началось и исследование жаргона, на которое со времен Д.С.Лихачева и Б.А.Ларина был наложен строгий запрет.

За истекшие 55 лет многое изменилось и в самом литературном русском языке, и в нашей русистике. Конец XX века стал для

нашей языковой системы, как и для страны в целом, серьезным испытанием – периодом «шоковой терапии». Уже само это новое выражение, часто употребляемое тогда в средствах массовой информации, показывает внутреннюю противоречивость процесса, им обозначаемого. С одной стороны, это неизбежность лечения запущенной экономической, политической болезни и т.д. С другой – острое болевое ощущение, граничащее с разрушением жившего до этого в покойном, «застойном» полуравновесии организма.

Как в экономике, политике и будничной жизни России, так и в системе русского языка такая «шоковая терапия» была неоднозначна по результатам. Неоднозначно, зачастую резко противоречиво оценивают эти результаты и сами носители языка, и журналисты, и современные лингвисты. Недавно, в начале марта 2011 года, Л.А.Вербицкую, некоторых писателей, журналистов и нас, филологов, пригласили в редакцию петербургской газеты «Новое время» на дискуссию о современном русском языке. Главный редактор газеты и его коллеги-журналисты всеми силами старались убедить нас и своих слушателей в том, что наш язык претерпевает кризис, находится на грани вымирания именно потому, что классическая речь сейчас вытесняется жаргоном, вульгаризмами и иностранными заимствованиями – особенно англицизмами. Мы долго стремились убедить наших собеседников, что кризиса и умирания русского языка нет, а те процессы, которые вызывают у культурного слоя населения и у нас, филологов, беспокойство, являются лишь следствием процесса демократизации, освобождения от цензуры и свободы слова. Такие же процессы характерны в целом для многих языков Европы – особенно в странах, до недавнего времени примыкающих к «социалистическому лагерю».

Диагноз этих процессов различен, но в том, что они в разной мере болезненны или разрушительны, сходятся практически все. Исследователи подчёркивают интенсивность демократизации языковой системы, расшатывание литературных норм, не-

управляемый поток переименований, жаргонизацию и внедрение иноязычных заимствований. Наиболее общей доминантой современного состояния русского языка поэтому следует признать его *интенсивную динамизацию*. Она проявляется в виде трех основных тенденций – *неологизации (новеллизации)*, *экспрессивизации* и *демократизации*. Интенсивная динамизация, собственно, и создает языковую асимметрию, управляемую в основном собственно лингвистическими механизмами, универсальными не только для русского, но и для других славянских языков. Эти механизмы носят характер достаточно известных общеязыковых оппозиций-«столкновений» – например: столкновение письменной и устной форм литературного языка; литературной нормы и диалектов; литературной нормы и жаргона; пуритской направленности нормы со стремлением к вульгаризации языковой системы; различных уровней и разных аспектов языка и др.

Эти оппозиции, ведущие к «расшатыванию нормы» (или, если судить оптимистически, – к её обогащению и обновлению), «работают», разумеется, на всех языковых уровнях. Однако экстралингвистическая реальность в целом определяет, прежде всего, основной набор *лексико-фразеологических доминант*, которые можно назвать языковыми символами нового времени. Задача лингвистов – не только исследовать такие символы, но и выявлять их семиотическую контрастность, не упуская возможности регистрировать в такой контрастности и определённую преемственность по отношению к языковым символам советского времени.

С этой целью мы предприняли попытку лексикографического описания языка советского периода – в «Словаре языка Совдепии», выдержавшем уже 2 издания*. Оказа-

* Мокиенко В.М. Толковый словарь языка Совдепии: Ок. 10 000 слов и выражений / В.М.Мокиенко, Т.Г.Никитина; СПбГУ, Межкафедральный словарный кабинет им. проф. Б.А.Ларина. 2-е изд., испр. и доп. М., 2005.

Mokienko V.M., Nikitina T.G. The Dictionary off the Language of The Sovdepia: near 10 000 Words and Expressions / SpBGU, Interdepartment lexicographical Center named by prof. B.A.Larin. The 2-a ed. Moscow, 2005.

лось, что советский «новояз» в немалой степени зависим от традиционного русского «старояза». При этом если официальной (даже скорее официозной) стилистической доминантой первого была «высокость», патетичность, то его неофициальной, разговорно-узусной доминантой была, а точнее, и теперь, когда сняты цензурные ограничения, является тенденция к депатетизации, которая становится одной из доминант современного языкового состояния.

Это состояние характеризуется тем, что в нём почти отсутствуют (во всяком случае в виде стилевого императива) доминанты мелиоративного типа. Их роль играют, с одной стороны, лексемы и словосочетания, прямо отражающие изменения в экономической, политической, культурной и других сферах жизни и не несущие прямой дидактически мелиоративной окраски: *президент, парламент, мэр, префект, ОМОН, консенсус, ваучер, дикий рынок, потребительская корзина*. С другой стороны, демелиоризация «новояза» не уничтожила потребности в идеологически насыщенных языковых средствах, что ведёт к весьма интенсивному употреблению старых идеологических шаблонов, но со знаком «минус».

В самом общем, универсальном понимании доминантой современного русского языка является его тотальная демократизация (ср. В.Г. Костомаров*), вызванная ослаблением официальности и усилением spontанности речи. Эта общая доминанта порождает мощную волну элементов жаргона и разговорно-просторечных элементов. **Жаргонизация** (или, по терминологии некоторых исследователей, «люмпенизация») современного письменного языка (особенно – языка средств массовой информации) – одна из общесистемных его доминант. Близка к этой доминанте и **вульгаризация** языкового стандарта, проявляющаяся в актуализации бранной лексики и фразеологии. Близка, но не тождественна ей, поскольку слой русских

вульгаризов, хотя во многом и пересекается с жаргоном и просторечием, но имеет и другие источники. Следовательно, такие общие доминанты современного языкового развития, как вульгаризация и жаргонизация, при всей их «реестровой» и функциональной близости могут исследоваться и как относительно самостоятельные явления.

Во многих исследованиях одной из доминант развития современного языка признается активное **проникновение в него заимствований**, особенно американцев. Нередко эта доминанта подается как бы в оппозиции к жаргонизации и вульгаризации как процессам, имеющим «исконно русский» источник. Однако необходимо признать диалектическую взаимозаменяемость, а не полную противопоставленность этих доминант. Ведь разграничение по оси «своё – чужое» имеет принципиально иную лингвистическую направленность, чем «жаргонное – литературное». Современный русский жаргон обогащается и за счет «чужого», что делает указанные доминанты взаимопересекаемыми, а не противопоставленными.

Доминанты общего типа определяют актуальное состояние языковой системы на разных её уровнях. Лексико-фразеологический уровень, как уже говорилось, является особо «отмеченным» экстралингвистическими изменениями и потому совершенно оправданно привлекает особое внимание и языковедов-теоретиков, и лексикографов-практиков. Лексические и фразеологические доминанты и самими носителями русского языка воспринимаются как своеобразные «маркеры» современности.

Несмотря на исключительную динамичность и «шоковость» нынешнего языкового состояния, многие доминанты весьма устойчивы и служат своеобразными «скрепами» различных текстов и речевых ситуаций. Вокруг них образуются широкие лексико-семантические зоны, поддерживающие их стабильность и детализирующие, нюансирующие саму доминанту. К такому набору относятся, например, слова и фразеемы *беспредел, разборка, накрутка, тусовка, кайф, бомж, баксы, бабки, халява, крими-*

* Костомаров В.Г. Языковой вкус эпохи. Из наблюдений над речевой практикой масс-медиа. М., 1994.

Kostomarov V.G. The language Taste of the Epoch. From the Observations over Speech Praxis of Mass-media. Moscow, 1994.

нальные (мафиозные, властные) структуры, вешать лапшу на уши, за бугром, лишние люди, цивилизованные страны, новые русские, лицо кавказской национальности, ближнее (resp. дальнее) зарубежье, халява, мыльная опера, процесс пошёл, наступать на грабли и мн. др. Было бы заманчивым создать словарь такого рода лексем и фразем – словарь, в котором, кроме дефиниций, контекстных иллюстраций и стилистической маркировки, давалась бы и их историко-этимологическая паспортизация. Ведь за каждым из этих слов и выражений стоит не только своё коннотативное поле, но и собственная история, которая проливает свет на социальные регуляторы языкового процесса, происходящего в современной России.

Из массы просторечно-жаргонных и заимствованных лексем и фразем и выкристаллизовываются, как видим, основные ряды доминант, которые назывались выше. Вокруг каждой из них рождается интенсивное словообразовательное и валентностное, «сочетательное» поля, которые значительно расширяют семантическую и функциональную «дальнобойность» каждого из них.

Объективная диагностика источников такого рода доминантных полей вообще имеет прямую социолингвистическую направленность, поскольку нередко сам источник указывает на среду, в которой порождена та или иная доминанта. Описывая «полевые» доминанты во всей их совокупности, лингвист может, в сущности, реконструировать и основной набор доминант экстралингвистических – во всяком случае, указать на основные «болевые точки» современности.

Динамизация доминант – процесс, вызванный к жизни острыми противоречиями экстралингвистического характера. В языковом преломлении такие противоречия реализуются в виде системы оппозиций разного типа: «традиционный – нетрадиционный (старый – новый)», «свой – чужой», «высокий – низкий», «экспрессивный – нейтральный» и т.д. Будучи в принципе универсальными для функционирования и развития любой языковой системы, такие оппозиции в период «языковой смуты» наращивают напряжённость между своими полюсами, чем и создают особый динамизм.

Последствия двадцатилетней «языковой смуты» для современного литературного русского языка весьма значительны, ибо они изменили не только саму языковую систему, но и отношение к ней говорящих и пишущих. Все они, так или иначе, воплощены в лексико-фразеологических доминантах. Кстати, именно негативная окрашенность большинства таких символов (*беспредел, разборки, вешать лапшу на уши*) и вызывает у некоторых говорящих и исследователей апокалиптические прогнозы о будущем русского языка. Но сам русский язык, с суровой правдивостью отражая эту реальность, грани своего полнокровного существования отнюдь не переступил. Общая динамизация нашей языковой системы, приведшая к «расшатыванию норм», имела, конечно, «шоковый» характер, ибо вместе с панцирем жёсткой нормативности нередко срывалась и срывается и живая языковая ткань. Но освобождаясь от этого панциря и переживая болевой шок, русский язык уже приобрел большую свободу и гибкость, которые сделают его в будущем ещё жизнеспособнее.